

№ 540. — Письмо Матильде Рейхель.

Перевод с немецкого.

16 февраля 1850 года.

[Кенигштейн].

... Итак Вы уже знаете, что я приговорен к смерти. Теперь я должен сказать Вам в утешение, что меня уверили, будто приговор будет смягчен, т. е. заменен пожизненною тюрьмою или столь же продолжительным заключением в крепости. Я говорю "Вам в утешение", потому что для меня это - не утешение. Смерть была бы мне куда милее. Право, без фраз, положив руку на сердце, я в тысячу раз предпочитаю смерть. Каково всю жизнь пряхать шерсть или сидеть в одиночестве, в бездействии, никому ненужным в крепости за решеткой, просыпаясь каждый день с сознанием, что ты заживо погребен, и что впереди еще бесконечный ряд таких безотрадных дней! Напротив смерть-только один неприятный момент, к тому же последний, момент, которого никому не избежать, наступает ли он с церемониями, с законными заклинаниями, трубами и литаврами, или захватывает человека неожиданно в постели. Для меня смерть была бы истинным освобождением. Уже много лет нет у меня большой охоты к жизни. Я жил из чувства долга, смерть же освобождает как от всякого долга, так и от ответственности. Я вправе желать смерти, так как ничья жизнь не связана неразрывно с моею...

... Правда, за последние два года в Германии у меня было мало радости. Часто я бывал в самом затруднительном положении. Один, очень часто без денег, я был вдобавок ославлен как русский шпион, а в то же время с другой стороны на меня смотрели как на неистового, безумного якобинца. И то, что меня считали за русского шпиона, толкнуло меня на некоторые сознательно неосторожные шаги, запутавшие и скомпрометировавшие меня. Я мог, но не хотел бежать из Дрездена. Чего я хотел, я скажу Вам, дорогой друг, поскольку я могу позволить себе здесь говорить свободно: я бросился между славянами и немцами, между двумя великими, но к сожалению взаимно друг друга ненавидящими расами, бросился, чтобы предотвратить гибельную борьбу и повести их соединенные силы против русской тирании, не против русского народа, нет, а для его освобождения. Это было гигантское предприятие. Я был один, не имея ничего кроме доброй, честной воли, и, может быть, меня могли упрекнуть в том, что с моей стороны было донкихотством думать о такой гигантской работе. Я же рассчитывал на более продолжительный прилив в движении. Я ошибся в расчете: отлив наступил раньше, чем я ожидал, и вот я засел в Кенигштейне на самой высокой точке Саксонии. Собственно Дрезден был для меня случайностью; но в нем-то как раз я и потерпел кораблекрушение...

Заслужил ли я смерть? По законам, насколько я их понял из объяснений своего адвоката, да. По совести моей - нет. Законы редко согласуются с историей и почти всегда отстают от нее. Поэтому-то на свете происходят и всегда будут происходить революции. Я действовал согласно своему искреннему убеждению и для себя не искал ничего. Я сел на мель, как многие, лучшие - до меня, но то, чего я желал, не может погибнуть, не потому, что я этого желал, а потому что то, чего я желал, необходимо, неизбежно. Рано или поздно, с большим или меньшим количеством жертв, оно вступит в свои права и осуществится. В этом мое утешение, моя сила, моя вера. Дорогой друг, Вы мечтаете о царстве небесном на земле, Вы считаете, что довольно только слова, чтобы обратить мир, чтобы вести людей к человечности и свободе. Но откройте летописи истории, и Вы увидите, что малейший прогресс человечества, каждый новый живой плод произошел из облитого человеческой кровью - и потому мы можем надеяться, что и наша тоже не пропадет напрасно.

... Примирение [между лагерями революции и реакции] невозможно, как между огнем и водой, которые вечно борются между собою и все же силою природы принуждены жить вместе. Я знаю, Вы ненавидите бури, но правы ли Вы, вот вопрос. Бури в нравственном мире так же нужны, как и в природе: они очищают, они молодят духовную атмосферу; они разворачивают дремлющие силы; они разрушают подлежащее разрушению и придают вечно-живому новый неувыдаемый блеск. В бурю легче дышится; только в борьбе узнаешь, что человек может, что он должен, и поистине такая буря нужна была теперешнему миру, который был очень близок к тому, чтобы задохнуться в своем зачумленном воздухе. Но она еще не прошла; я думаю, я твердо убежден, что пережитое нами является только слабым началом того, что еще наступит и будет долго, долго продолжаться... Час его [час "этого, так называемого цивилизованного мира"] пробил; его теперешняя жизнь не что иное как последний смертельный бой; но не бойтесь, дорогой друг, за ним придет более молодой и прекрасный мир. Жаль только, что я его не увижу, да и Вы тоже, потому что, как я сказал, борьба продлится долго и переживет нас обоих...

... Сейчас я нахожусь в положении пятнадцатилетней девочки, которая и строчки не смеет написать без папиного и маминого просмотра; не знаю, пропустят ли это письмо многочисленные папаши и мамы, блюдущие теперь мою добродетель, - хочу наудачу сдать его завтра...

Комментарий

Но 540. — Это письмо Бакунина, также опубликованное Максом Неттлау лишь частично и в таком виде приводимое нами, является ответом на письмо Матильды Рейхель от 26 января (последнее напечатано у Пфицнера, 1. с., стр. 225-226; по-русски в "Материалах для биографии", т. II, стр. 379-380). Когда Матильда писала это письмо, она еще не получала письма Бакунина к ней от 16 января (см. Но 539) : оно по-видимому дошло до нее только в середине февраля, если судить по ее ответу на него, датированному 15 февраля 1850 г. и напечатанному у Пфицнера на стр. 226-227; по-русски в "Материалах для биографии", т. II, стр. 380- 385. Письмо ее от 16 января носит еще более восторженный характер, чем первое ее письмо в тюрьму. Объясняется это тем, что до нее дошла уже весть о вынесенном Бакунину смертном приговоре. От имени своего, Адольфа Рейхеля и Иоганны Пескантини

она шлет Бакунину предсмертный привет и протягивает ему руку, говоря, что они, его друзья, смыкаются вокруг него, неся ему любовь, утешение и веру. Бакунин спокойно старается вернуть взволнованную приятельницу на землю и мягко отстраняет ее мистические разглагольствования.

У Пфицнера напечатаны еще два ее письма к Бакунину: от 15 февраля, о котором мы упоминали выше, и от 22 марта 1850 г. в ответ на его письмо от 16 февраля, печатаемое нами под настоящим номером (стр. 227; по-русски в "Материалах", т. II, стр. 387-390, при чем оно там датировано почему-то 2 марта; возможно, что это-опечатка).

Все эти и последующие письма Рейхелей к Бакунину находятся в пражском военном архиве, куда они видимо были пересланы из Саксонии вместе с другими документами по делу Бакунина.

Когда Бакунин писал предыдущее письмо, он еще не знал, что за два дня до его написания он был саксонским судом приговорен к смертной казни вместе с О. Гейбнером и А. Рестелем. Подсудимые подали прошение о помиловании, и король заменил им смертную казнь пожизненным заключением в крепости. Гейбнер просидел в тюрьме до 1859, а Реккель до 1862 года.

Герцен, неизвестно на основании каких источников, пишет по этому поводу в письме к Мишле: "Арестованный через несколько дней после взятия Дрездена, Бакунин был судим военным судом и приговорен к смерти вместе с двумя своими храбрыми сподвижниками, Гейбнером и Реккелем. По прочтении приговора, который не могли привести в исполнение, так как смертная казнь для политических преступников, отмененная Франкфуртским парламентом, не была еще восстановлена, приговоренных обманули, предложив им подать просьбу о помиловании. Бакунин отказался и сказал, что единственная вещь, которой он боялся, это попасть в руки русского правительства, но так как его предполагают гильотинировать, то он не имеет ничего против, хотя и предпочел бы лучше расстреляние. Адвокат поставил ему на вид, что один из его товарищей, имевший жену и детей (Реккель.- 10. С), вероятно согласился бы просить помилования, но отказывается от этого, узнав о словах Бакунина. "Так скажите ему,- тотчас ответил Бакунин, - что я соглашаюсь, что я подпишу прошение". Больше на этом не настаивали и сделали вид, что смягчение наказания было самопроизвольным актом королевского милосердия" (Герцен, "Сочинения", т. VI, стр. 483).

А. Реккель в своей книге "Sachsens Erhebung", 1865, рассказывает об этих обстоятельствах несколько иначе. Предполагая, что смертный приговор вынесен ему и его товарищам для блезиру, и что реакция удовольствуется высылкою их за границу, Реккель после долгого сопротивления согласился на подачу его адвокатом вместе с адвокатами Гейбнера и Бакунина прошения о помиловании, каковым шагом он преследовал цель добиться разрешения на выезд в Америку (стр. 229).

Фактически положение обстояло так. 14 января апелляционный суд, рассмотрению которого подлежало дело о майском восстании, вынес приговор, коим Бакунин, Гейбнер и Реккель (их дела были решены в один день) были осуждены на смертную казнь. 19 января Гаммер

